

ОБЗОРНЫЕ СТАТЬИ

ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ЦИФРОВОГО ОБЪЕКТА И ЦИФРОВОГО АКТИВА

А. Г. Шипикова^{1,2}

¹Московский государственный институт международных отношений
(университет) МИД России
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

²Московский городской суд
107076, Россия, Москва, ул. Богородский Вал, 8

Аннотация

Развитие цифровых технологий привело к появлению новых объектов права и правоотношений, осмысление которых необходимо для обеспечения реализации прав и основных свобод человека, в том числе права собственности и права на уважение человеческого достоинства. Среди основных объектов, возникших в результате развития цифровых технологий, цифровые объекты и активы. Цель настоящей статьи — предпринять попытку сформулировать понятие «цифровой объект», провести сравнительное исследование подходов к определению понятия «цифровой актив», выделить ключевые признаки понятия «цифровой актив», предложить подходы к определению соотношения понятий «цифровой объект» и «цифровой актив», что будет способствовать развитию правового регулирования в условиях цифровизации общества. В ходе исследования проанализированы подходы к определению понятий «цифровой объект» и «цифровой актив», содержащиеся в доктринальных источниках как в Российской Федерации, так и за рубежом (США, Великобритании, Германии). Проведен анализ указанных категорий, содержащихся в нормативных источниках, в том числе на уровне международных организаций и межгосударственных интеграционных объединений. При исследовании использовались догматический и формально-логический методы, аксиологический подход и метод сравнения. По итогам проведенного анализа предложены определения понятий «цифровой объект», «цифровой актив», подходы к их соотношению. Выделены существенные характеристики такой категории, как «цифровой актив», на основе материалов, разработанных на уровне Международного института унификации частного права (УНИДРУА), СНГ, Европейского института права, проанализированы общие черты и различия понятий «цифровой объект» и «цифровой актив». Сформулирован вывод о том, что цифровой объект можно рассматривать как общее, родовое понятие, включающее в себя в том числе цифровые активы и другие объекты, например аккаунты в социальных сетях, аккаунты электронной почты, при этом, существенным, конституирующим признаком цифрового актива является понятие контроля в отношении цифрового актива.

Ключевые слова

цифровой объект, цифровой актив, цифровизация, правовое регулирование, права человека, право собственности, частное право

Конфликт интересов

Автор сообщает об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование

Исследование не имеет спонсорской поддержки.

Для цитирования

Шипикова, А. Г. (2024). Подходы к определению цифрового объекта и цифрового актива. *Цифровое право*, 5(2), 53–68. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2024-5-2-1>

Поступила: 02.04.2024, принята в печать: 03.05.2024, опубликовано: 28.06.2024

REVIEW ARTICLES

CONCEPTUAL APPROACHES TO DEFINING DIGITAL OBJECTS AND DIGITAL ASSETS

Anna G. Shipikova^{1,2}

¹Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University)
76, ave. Vernadsky, Moscow, Russia, 119454

²Moscow City Court
8, Bogorodsky Val str., Moscow, Russia, 107076

Abstract

The development of digital technologies has led to the emergence of new objects of law and legal relations, the understanding of which is necessary to ensure the implementation of human rights and fundamental freedoms, including the right to property and the right to respect for human dignity. Among the main objects that have arisen as a result of the development of digital technologies are digital objects and assets. The purpose of this article is to attempt to formulate the concept of a “digital object”, conduct a comparative study of approaches to defining the concept of a “digital asset”, highlight the key features of the concept of a “digital asset”, propose approaches to determining the relationship between the concepts of a “digital object” and a “digital asset”, which will contribute to the development of legal regulation in the context of the digitalization of society. The approaches to defining the concepts of a “digital object” and a “digital asset” contained in doctrinal sources both in the Russian Federation and abroad (USA, Great Britain, Germany) are analyzed. An analysis of these categories contained in regulatory sources, including at the level of international organizations and interstate integration associations, is carried out. The study used dogmatic and formal-logical methods, an axiological approach and a comparison method. Based on the results of the analysis, definitions of the concepts of “digital object”, “digital asset”, and approaches to their relationship are proposed. The essential characteristics of such a category as “digital asset” are identified based on the materials developed at the level of the International Institute for the Unification of Private Law (UNIDROIT), the CIS, and the European Institute of Law, and the common features and differences between the concepts of “digital object” and “digital asset” are analyzed. A conclusion is formulated that a digital object can be considered as a general, generic concept that includes digital assets and other objects, such as social media accounts, email accounts, while an essential, constitutive feature of a digital asset is the concept of control over a digital asset.

Keywords

digital object, digital asset, digitalization, legal regulation, human rights, property rights, private law

Conflict of interest The author declares no conflict of interest.

Financial disclosure The study has no sponsorship.

For citation Shipikova, A. G. (2024). Conceptual approaches to defining digital objects and digital assets. *Digital Law Journal*, 5(2), 53–68. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2024-5-2-1>

Submitted: 2 Apr. 2024, accepted: 3 May 2024, published: 28 June 2024

Введение

Современное общество характеризуется возрастающим использованием цифровых технологий, что позволяет говорить о цифровизации общества. Цифровизация — процесс организации осуществления в цифровой среде функций и деятельности, ранее выполнявшихся без использования цифровых продуктов, предполагающий внедрение в отдельные аспекты соответствующей деятельности информационно-телекоммуникационных технологий, а применительно к экономической деятельности и государственному управлению предусматривающий, в частности, внедрение и (или) применение цифровых технологий, обеспечивающих повышение эффективности указанных деятельности и управления¹.

В зарубежных источниках указывается, что цифровизация является одной из наиболее значительных трансформаций современного общества и охватывает многие элементы бизнеса и повседневной жизни (Kraus et al., 2022, p. 1). Цифровизация означает как переход от «аналогового» к «цифровому» (например, от наличных денег к электронным платежам), так и содействие новым формам создания стоимости (Hagberg et al., 2016, p. 696). Цифровизация — это способ реструктуризации многих сфер социальной жизни вокруг цифровых коммуникационных и медиаинфраструктур (Brennen & Kreiss, 2016, p. 1). Проще говоря, цифровизацию можно определить как использование цифровых технологий (Srai & Lorentz, 2019, p. 79).

Право собственности является одной из составляющих правового статуса личности. Международно-правовое признание права собственности как одного из прав человека на современном этапе берет начало во Всеобщей декларации прав человека 1948 г., в соответствии со ст. 17 которой каждый человек имеет право владеть имуществом как единолично, так и совместно с другими. Никто не должен быть произвольно лишен своего имущества².

В дальнейшем право собственности в качестве права человека получило нормативное закрепление, в частности, в Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.,

¹ Модельный закон о цифровой трансформации отраслей промышленности государств — участников СНГ, принят 14 апреля 2023 г. в г. Санкт-Петербурге Постановлением 55-9 на 55-м пленарном заседании Межпарламентской ассамблеи государств — участников СНГ). https://iacis.ru/mod_file/p_file/1111

² Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. // Российская газета. — 1995. — 05 апреля.

в соответствии со ст. 1 Протокола № 1 к которой каждое физическое или юридическое лицо имеет право на уважение своей собственности. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права³.

Право на уважение частной жизни также является одним из фундаментальных прав человека и также берет начало во Всеобщей декларации прав человека 1948 г. (ст. 12)⁴. В дальнейшем указанное право было нормативно закреплено в таких международно-правовых актах, как Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. (ст. 17), Конвенция о защите прав человека и основных свобод (ст. 8).

Если говорить о праве собственности в условиях цифровизации и в отношении цифровых объектов, то нельзя не сказать о наличии различных подходов к данному вопросу. Так, как указывает А.А. Иванов в статье «Цифровизация и вещные права. Фрагмент из цикла лекций “Гражданское право и цифровизация”», тот факт, что в российском законодательстве «не признано, что объекты вещных прав — вещи с четкими пространственными границами, создает методологическую основу для подведения под вещно-правовое регулирование чего-то бестелесного и в целом относящегося к совершенно иным сферам правового регулирования» (Ivanov, 2023, p. 44). То есть имеются основания для того, чтобы рассматривать цифровые объекты как особого рода объекты вещного права и в связи с этим применять соответствующее гражданско-правовое регулирование.

С другой стороны, нельзя не учитывать и наличие особой специфики цифровых объектов, что не позволяет относить их к объектам права собственности или иных вещных прав в их классическом понимании. Прежде всего это связано именно с нематериальным характером цифровых объектов и с необходимостью определенных технических средств для реализации прав на указанные объекты.

Кроме того, правовой режим таких цифровых объектов, как, например, аккаунты в социальных сетях, учетные записи электронной почты, права доступа в облачные хранилища и т.п., тесно связан с правом на уважение частной жизни, что подтверждается в том числе законодательством ряда государств и соответствующей судебной практикой. В настоящей работе анализируются понятия цифрового объекта и цифрового актива и их соотношение в том числе с использованием зарубежного нормативного и доктринального материала, а также материалов международных интеграционных объединений.

Обзор литературы, постановка проблемы

В научной литературе часто используются понятия цифрового объекта и цифрового актива. Для целей дальнейшего исследования целесообразно определить указанные категории с точки зрения гражданского права.

Понятие «цифровой объект» применительно к сфере гражданского оборота в западной литературе недостаточно распространено. В многочисленных источниках о цифровых

³ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г.), вместе с Протоколом [№ 1] (подписан в г. Париже 20 марта 1952 г.) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 2. — Ст. 163.

⁴ В соответствии со ст. 12 Декларации «никто не может подвергаться произвольному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным посягательствам на неприкосновенность его жилища, тайну его корреспонденции или на его честь и репутацию. Каждый человек имеет право на защиту закона от такого вмешательства или таких посягательств».

объектах говорится только в чрезвычайно узком, специальном смысле (Hui, 2012, p. 380; Koles & Nagy, 2021, p. 60; Lyons, 1997, p. 22), как, например, об объектах, выраженных последовательностью байтов или битов (Faulkner & Runde, 2019, p. 1285); указывается на такие свойства цифровых объектов, как возможность их редактирования, интерактивность, возможность получения доступа к таким объектам и их изменения с помощью других цифровых объектов, распределенность цифровых объектов. Таким образом, согласно общепринятой доктрине, цифровые объекты представляют собой не более чем временные «сборки» функций, информационных элементов или компонентов, распределенных по информационным инфраструктурам и Интернету (Kallinikos et al., 2010, p. 5).

При использовании понятия «цифровой объект» в западной литературе, как правило, имеют в виду совокупность различного рода объектов, размещенных в сети Интернет (фото, видео, тексты, различного рода гипертекстовые, мультимедийные и интерактивные материалы и т.п.). Применительно к сфере гражданского оборота в западной литературе гораздо более распространено понятие «цифровой актив», как будет продемонстрировано ниже.

Что касается российской доктрины, то в научных источниках используются понятия как «цифровой объект», так и «цифровой актив», и порой объемы этих понятий в том контексте, в котором их используют авторы, в большей части совпадают (Volos, 2022).

Исключение составляют научные работы, в которых проводится анализ недавно принятых федеральных законов, посвященных правовому регулированию цифровых финансовых активов (Melnikova et al., 2023). Также в докладах регулятора, специально посвященных обороту именно финансовых активов, используется термин «цифровой актив»⁵.

В ряде работ российских ученых выражаются различные подходы к правовой природе и режиму цифровых объектов и цифровых активов. Речь идет о трудах И. З. Аюшеевой (Ayusheeva, 2021), В. Е. Величко, Э. А. Евстигнеева (Velichko & Evstigneev, 2019), М. А. Рожковой⁶, Е. А. Суханова (Sukhanov, 2021). Некоторые аспекты цифровых объектов были освещены в фундаментальной работе К. И. Скловского (Sklovskiy, 2023, p. 273). В статье Д. А. Т. Фэйрфилда также рассматриваются вопросы, связанные с цифровыми объектами, особо акцентируется внимание на понятии контроля применительно к цифровым объектам (Fairfield, 2023, p. 22). Между тем анализ вышеупомянутых исследований показывает, что авторы используют различные подходы к указанным понятиям, рассматривают их с различных точек зрения.

Указанное свидетельствует о непроработанности в целом теории цифровых объектов и об отсутствии консенсуса относительно содержания понятий цифровой объект и цифровой актив, а также их соотношения.

⁵ Центральный банк Российской Федерации. (2022). Развитие рынка цифровых активов в Российской Федерации: доклад для общественных консультаций. https://cbr.ru/Content/Document/File/141991/Consultation_Paper_07112022.pdf; Центральный банк Российской Федерации. (2022). Криптовалюты: тренды, риски, меры: доклад для общественных консультаций. https://cbr.ru/Content/Document/File/132241/Consultation_Paper_20012022.pdf

⁶ Rozhkova, M. A. (2019, January 14). *Ob imushchestvennykh pravakh na nematerial'nyye ob"yekty v sisteme absol'yutnykh prav (chast' tret'ya — prava na svedeniya i dannyye kak raznovidnosti informatsii)* [On property rights to intangible objects in the system of absolute rights (part three — rights to information and data as types of information)]. *Zakon.ru*. https://zakon.ru/blog/2019/1/14/ob_imushchestvennykh_pravakh_na_nematerialnye_obekty_v_sisteme_absolyutnykh_prav_chast_tretya_prava_na

Подходы к определению понятий «цифровой объект» и «цифровой актив»

Понятийный аппарат, в том числе категории цифрового объекта и цифрового актива и их соотношение, проработан в модельных законах, принятых Межпарламентской ассамблеей государств — участников СНГ, в частности в Модельном законе «О цифровых правах»⁷.

В соответствии с абз. 15 ст. 3 указанного Модельного закона «цифровой объект — не имеющий вещественного выражения объект гражданских прав, доказательства существования которого формируются и обладатель которого определяется посредством кодирования информации в информационно-коммуникационной среде с помощью записей в информационной системе по ее правилам». При этом под цифровым активом в данной статье понимается в том числе и виртуальный актив, токен — «цифровой объект, обладающий имущественной ценностью (имущество), право собственности или другое вещное право на который принадлежит субъекту, указанному в информационной системе в качестве его обладателя» (абз. 12 ст. 3 Модельного закона).

В понятийной системе указанного Модельного закона «цифровой объект» и «цифровой актив» соотносятся как общее и частное, как родовое и видовое понятия.

В целом подобный подход оправдан, так как понятие «цифровой объект» очевидно является более широким и родовым по отношению к более узкому понятию цифрового актива, определяемого через видовое отличие — как цифровой объект, обладающий имущественной ценностью и принадлежащий обладателю на праве собственности или другом вещном праве.

Таким образом, основным отличием цифрового актива от цифрового объекта, согласно вышеуказанному Модельному закону, является то, что цифровой актив, во-первых, является объектом, имеющим имущественную ценность, и, во-вторых, принадлежит обладателю на праве собственности или другом вещном праве. Между тем понятие цифрового объекта включает и многие другие объекты, которые могут имущественной ценностью не обладать и в отношении которых можно осуществлять права по иным основаниям, чем в отношении цифрового актива, например в данном контексте речь может идти о цифровом образе (аватаре), и т.д.

Соглашаясь в целом с подходом к соотношению цифрового объекта и цифрового актива как родового и видового понятий, целесообразно отметить определенную смелость авторов Модельного закона, которые указали на возможность обладания цифровым активом на праве собственности или другом вещном праве.

Кроме того, как понятие «цифровой объект», так и понятие «цифровой актив» в этом случае связываются с информационной системой, которая определена в указанном законе как набор данных, соответствующий правилам, установленным в законах страны, а также информационных технологий и технических устройств, платформа, которая обеспечивает обработку информации, создает и поддерживает условия в информационно-коммуникационной среде для взаимодействия участников гражданского оборота и учета их прав (абз. 5 ст. 3 Модельного закона о цифровых правах).

Представляется, что цифровой актив по своей природе действительно может существовать в рамках информационной системы, благодаря которой возможно удостоверение прав, предоставляемых соответствующим активом. Тем не менее цифровой объект как понятие более широкое может включать в себя и другие объекты, необязательно связанные с какой-либо

⁷ Модельный закон о цифровых правах, принят 14 апреля 2023 г. в г. Санкт-Петербурге Постановлением 55-12 на 55-м пленарном заседании Межпарламентской ассамблеи государств — участников СНГ https://iacis.ru/mod_file/p_file/1114

информационной системой, могущие существовать и вне ее, храниться на съемных материальных носителях.

Таким образом, определение цифрового объекта необходимо сформулировать следующим образом: нематериальный объект, обладающий характеристиками, отличающими его от других объектов, представленный в цифровой форме и принадлежащий его обладателю на законном основании. К числу характеристик, отличающих один цифровой объект от другого, можно отнести, например, уникальный набор данных, относящихся к конкретному объекту, уникальный идентификатор, присвоенный информационной системой и т.п. В дальнейшем в настоящей работе понятие «цифровой объект» будет использоваться как общее, родовое, включающее цифровые активы и другие объекты, в том числе, например, аккаунты в социальных сетях, аккаунты электронной почты.

Анализируя понятие цифрового актива по материалам зарубежных доктринальных источников, можно сделать вывод, что соответствующий термин используется в узком и широком смысле. При этом под цифровым активом в узком смысле понимаются только имеющие ценность токены (объекты), образованные с использованием технологии распределенного реестра, ярким примером которой является блокчейн (Armstrong & Samuels, 2022, р. 5). В широком смысле в понятие цифрового актива включаются также доменные имена, аккаунты электронной почты, цифровые записи и т.п. (Faroوقي et al., 2022, р. 428). Зачастую содержание категории цифрового актива определяется путем перечисления входящих, по мнению авторов, в это понятие объектов (Klasiček, 2023, р. 239).

В ситуации отсутствия какой-либо приемлемой дефиниции цифровых активов, для формирования правовой определенности в указанной сфере и установления правовой природы и правового режима этого цифрового объекта необходимо разработать определение, которое охватывало бы максимально все существующие на настоящий момент цифровые активы, а также могло бы быть использовано для правового регулирования при возникновении новых видов цифровых активов, которые сегодня еще неизвестны.

Кроме того, важно определить, может ли цифровой актив относиться к имуществу, могут ли в отношении него осуществляться имущественные права и, соответственно, возможно ли на следование цифрового актива.

Понятие «цифровой актив» на примере Принципов УНИДРУА о цифровых активах и частном праве

Достаточно детально понятие «цифровой актив» было проработано в Принципах Международного института унификации частного права о цифровых активах и частном праве (далее — Принципы УНИДРУА)⁸, а также в Принципах использования цифровых активов в качестве обеспечения, разработанных Европейским правовым институтом (далее также — Принципы Европейского правового института)⁹.

Принципы УНИДРУА разрабатывались с сентября 2020 г. и были приняты Руководящим советом УНИДРУА 12 мая 2023 г. Подход, который использовался при подготовке Принципов, может быть охарактеризован как функциональный и нейтральный с целью охватить максимальное

⁸ Int'l Institute for the Unification of Private Law, UNIDROIT Principles on Digital Assets and Private Law 11 princ. 2(2) (2023). <https://www.unidroit.org/wp-content/uploads/2024/01/Principles-on-Digital-Assets-and-Private-Law-linked-1.pdf>

⁹ European Law Institute, ELI Principles on the Use of Digital Assets as Security. https://www.europeanlawinstitute.eu/fileadmin/user_upload/p_eli/Publications/ELI_Principles_on_the_Use_of_Digital_Assets_as_Security.pdf

количество цифровых активов. Среди ключевых моментов, отраженных в Принципах УНИДРУА, следующие:

- детальное и максимально широкое определение понятия цифрового актива;
- концепция контроля в отношении цифрового актива, которая может рассматриваться как своего рода аналог владения в отношении материальных вещей;
- в Принципах указано, что в отношении цифровых активов могут осуществляться имущественные права, при этом Принципы не определяют, являются ли цифровые активы имуществом.

Документ, подготовленный УНИДРУА, состоит из введения и **19 принципов**, объединенных в **семь разделов**. Каждый принцип сопровождается подробными комментариями, которые позволяют составить более полное представление о концепциях и подходах, использованных при разработке этого документа.

В соответствии со вторым принципом, который посвящен определению основных понятий, использованных в документе, «цифровой актив есть электронная запись, в отношении которой может быть установлен контроль»¹⁰. При этом электронная запись означает информацию, которая хранится на электронном носителе и к которой может быть получен доступ¹¹. Под передачей цифрового актива понимается «альтерация» имущественного права в цифровом активе¹². Термин «передача» также включает приобретение имущественного права в конечном цифровом активе¹³.

Как видим, понятие цифрового актива сформулировано предельно широко. При этом оно привязано к двум другим основным категориям — «электронная запись» и «контроль».

В комментариях ко второму принципу подчеркивается, что, как следует из определения, электронная запись представляет собой информацию, которая находится на электронном носителе, причем к указанной информации может быть получен доступ. При этом понятие «электронный носитель» рассматривается в самом широком смысле. Данная категория охватывает любой тип цифровых носителей и применяемых технологий, независимо от того, основываются ли принципы записи на носитель на электронных эффектах или каких-либо других, например жесткие диски, принцип записи на которые основан на использовании магнитных полей, а также оптические диски, когда используются физические изменения в материале¹⁴. В Принципах указано условие о возможности получения доступа к информации, предполагающее, что информация должна быть представлена в доступной для восприятия форме. Таким образом, как электронные записи нельзя рассматривать такие формы документов, как бумажные письма или устная коммуникация, которые не архивируются на материальных носителях, а также информацию, которая содержится только в памяти человека¹⁵.

¹⁰ Int'l Institute for the Unification of Private Law, UNIDROIT Principles on Digital Assets and Private Law 11 princ. 2(2) (2023). <https://www.unidroit.org/wp-content/uploads/2024/01/Principles-on-Digital-Assets-and-Private-Law-linked-1.pdf>

¹¹ Int'l Institute for the Unification of Private Law, UNIDROIT Principles on Digital Assets and Private Law 11 princ. 2(1) (2023). <https://www.unidroit.org/wp-content/uploads/2024/01/Principles-on-Digital-Assets-and-Private-Law-linked-1.pdf>

¹² Int'l Institute for the Unification of Private Law, UNIDROIT Principles on Digital Assets and Private Law 11 princ. 2(5) (2023). <https://www.unidroit.org/wp-content/uploads/2024/01/Principles-on-Digital-Assets-and-Private-Law-linked-1.pdf>

¹³ Int'l Institute for the Unification of Private Law, UNIDROIT Principles on Digital Assets and Private Law 11 princ. 2(5)(b) (2023). <https://www.unidroit.org/wp-content/uploads/2024/01/Principles-on-Digital-Assets-and-Private-Law-linked-1.pdf>

¹⁴ Int'l Institute for the Unification of Private Law, UNIDROIT Principles on Digital Assets and Private Law 12–13 (2023). <https://www.unidroit.org/wp-content/uploads/2024/01/Principles-on-Digital-Assets-and-Private-Law-linked-1.pdf>

¹⁵ Int'l Institute for the Unification of Private Law, UNIDROIT Principles on Digital Assets and Private Law 13 (2023). <https://www.unidroit.org/wp-content/uploads/2024/01/Principles-on-Digital-Assets-and-Private-Law-linked-1.pdf>

По вышеупомянутому определению ключевым признаком цифрового актива является возможность контроля над ним. Это означает, что даже если какой-либо объект является электронной записью, подпадающей под дефиницию *второго принципа*, но в отношении нее невозможен контроль, такой объект не будет цифровым активом.

В комментариях ко второму принципу приводятся примеры объектов, которые могут или не могут подпадать под определение цифрового актива. Так, цифровым активом является, например, виртуальная валюта (криптовалюта), обращающаяся с использованием технологии публичного блокчейна (например, биткойн). Хотя в публичном блокчейне ни один пользователь не контролирует базовый протокол соответствующей информационной системы, т.е. как раз ту самую последовательность блоков, в которой происходит сделка с цифровыми активами, а механизм консенсуса, заложенный в протокол соответствующей информационной системы, проверяет достоверность сделок, осуществляемых с использованием системы, т.е. хотя ни одно лицо не может контролировать работу такого протокола или механизма консенсуса, лицо, участвующее в сделке (например, продавец) обладает контролем над частным ключом, который позволяет этому лицу осуществлять контроль над самим цифровым активом в рамках протокола соответствующей информационной системы¹⁶.

Кроме того, в состав цифровых активов могут входить и цифровые валюты, выпускаемые центральным банком соответствующего государства (в России — цифровой рубль), поскольку указанная валюта полностью подпадает под определение цифрового актива, так как хранится на электронном носителе, а законодательство государства устанавливает, каким образом соответствующее лицо осуществляет контроль относительно указанной валюты¹⁷.

Важно отметить, что в соответствии с разъяснениями разработчиков Принципов в случаях, «когда в цифровом активе содержится информация, представляющая собой имеющую отдельную ценность совокупность данных или базу данных (например, набор сведений, данных, алгоритмов, на основе которого работает система искусственного интеллекта), а также какое-либо изображение или текстовое сообщение, в отношении такой информации применяется законодательство, регулирующее отношения по поводу интеллектуальных прав, при этом информация, существующая за пределами цифрового актива, не является его частью»¹⁸.

Необходимо обратить внимание и на то, что разработчики Принципов не включают в состав цифровых активов страницы в социальных сетях, даже если они защищены паролем. При этом авторы Принципов указывают, что отношения между пользователем и социальной сетью строятся на основании пользовательского соглашения, т.е. своего рода договора, который, как правило, запрещает приобретать пользователю какие-либо права, в том числе «право собственности» на «страницу», а также на какой-либо материал, содержащийся и размещенный пользователем в социальной сети, что не согласуется с определением контроля, сформулированным в **шестом**

¹⁶ Int'l Institute for the Unification of Private Law, UNIDROIT Principles on Digital Assets and Private Law 15–16 (2023). <https://www.unidroit.org/wp-content/uploads/2024/01/Principles-on-Digital-Assets-and-Private-Law-linked-1.pdf>

¹⁷ Int'l Institute for the Unification of Private Law, UNIDROIT Principles on Digital Assets and Private Law 16 (2023). <https://www.unidroit.org/wp-content/uploads/2024/01/Principles-on-Digital-Assets-and-Private-Law-linked-1.pdf>

¹⁸ Российской Федерации это определяется Гражданским кодексом Российской Федерации, Федеральным законом от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе», в том числе главой 4.2 указанного Закона, и положением Банка России от 3 августа 2023 г. № 820-П «О платформе цифрового рубля».

¹⁸ Int'l Institute for the Unification of Private Law, UNIDROIT Principles on Digital Assets and Private Law 16–17 (2023). <https://www.unidroit.org/wp-content/uploads/2024/01/Principles-on-Digital-Assets-and-Private-Law-linked-1.pdf>

принципе¹⁹. Именно поэтому, по мнению авторов Принципов, страница в социальных сетях не является цифровым активом.

Следует отметить, что вопрос о правовой природе такого цифрового объекта, как страница в социальных сетях, является весьма дискуссионным.

Как было показано выше, ключевым в определении цифрового актива является понятие контроля, которое сформулировано в **шестом принципе**. Формулировки определения контроля довольно сложны и отражают специфику цифрового актива, заключающуюся прежде всего в том, что цифровой актив нематериален. Как отмечают разработчики Принципов, понятие «контроль», которое вводится в Принципах, является своего рода особым функциональным эквивалентом категории «владение», которая применима к материальному имуществу²⁰. При этом контроль над цифровым активом является вопросом факта, а не юридической концепцией.

Понятие контроля, установленное шестым принципом, выполняет как минимум две основные функции. Во-первых, оно является определяющим признаком цифрового актива, так как в соответствии со **вторым принципом** цифровым активом выступает только такая электронная запись, в отношении которой возможно установление контроля. Во-вторых, понятие контроля является основой для установления лица, которое в действительности осуществляет определенные полномочия в отношении цифрового актива, т.е. по аналогии с полномочиями, относящимися к праву собственности, осуществляет владение соответствующим цифровым активом и вправе им распоряжаться.

Необходимо отметить, что смену контроля одного лица на контроль другого следует отличать от передачи цифрового актива или доли в нем, т.е. от передачи имущественных прав. Невзирая на связь трансфера прав на цифровой актив со сменой контроля, есть ситуации, когда такая смена не возникает. Национальным законодательством может быть установлено, что при наличии некоторых обстоятельств, предусмотренных этим законодательством, «право собственности» на цифровой актив может перейти к другому лицу, причем контроль может осуществляться лицом, передавшим указанный актив. Иная ситуация также возможна, например, когда на основе норм права, применимых к указанным отношениям, переданный контроль не приводит к передаче прав, в том числе имущественных прав на цифровой актив²¹.

Принцип 6(1)(a) предусматривает наличие исключительных полномочий как неотъемлемого признака имущественных прав. Однако, как отмечают разработчики Принципов, может иметь место ситуация, при которой лицо (за исключением лица, которое на законных основаниях вправе осуществлять контроль над цифровым активом), не обладающее какими-либо правами, в том числе имущественными в отношении цифрового актива, приобретает такие полномочия без согласия и вопреки воле лица, которое обладает основанным на законе правом контроля. Такое возможно, например, когда соответствующее лицо получает закрытые ключи, необходимые для доступа к цифровому активу, с использованием взлома, кражи устройства или цифрового кошелька, на котором хранятся соответствующие ключи. Это также указывает

¹⁹ Int'l Institute for the Unification of Private Law, UNIDROIT Principles on Digital Assets and Private Law 51–52 (2023). <https://www.unidroit.org/wp-content/uploads/2024/01/Principles-on-Digital-Assets-and-Private-Law-linked-1.pdf>

²⁰ Int'l Institute for the Unification of Private Law, UNIDROIT Principles on Digital Assets and Private Law 52 (2023). <https://www.unidroit.org/wp-content/uploads/2024/01/Principles-on-Digital-Assets-and-Private-Law-linked-1.pdf>

²¹ Например, полечитель, как правило, получает контроль над цифровым активом в интересах третьего лица, но при этом не приобретает имущественных прав на этот цифровой актив. См.: Int'l Institute for the Unification of Private Law, UNIDROIT Principles on Digital Assets and Private Law 53 (2023). <https://www.unidroit.org/wp-content/uploads/2024/01/Principles-on-Digital-Assets-and-Private-Law-linked-1.pdf>

на существенное различие между передачей контроля над цифровым активом и передачей прав собственности на него²².

В отношении исключительности полномочий, что предусматривается **шестым принципом**, необходимо отметить, что возможность такой исключительности обеспечивается функционированием информационной системы, в которой существует соответствующий цифровой актив или с помощью которой цифровой актив создан, причем такая система должна надежно обеспечивать как наличие таких полномочий, так и их исключительность. При этом ввиду формулировок второго и шестого принципов определяющей является именно возможность контроля лица над соответствующим цифровым активом: в случае если лицо, законно контролирующее цифровой актив, утратило такой контроль в результате противоправных действий третьих лиц, например в случае кражи электронных ключей или в других подобных случаях, такое лицо не перестает быть лицом, контролирующим цифровой актив, и имеет возможность осуществлять имущественные права в отношении такого актива по аналогии с незаконным выбытием из владения собственника материального имущества.

Что касается п. 3 **шестого принципа**, который предусматривает ослабление исключительности полномочий в рамках контроля, которая установлена в п. 1, то «принцип п. 3(а) отражает ситуацию, когда исключительность полномочий ограничивается в силу соответствующих характеристик информационной системы, в которой расположен цифровой актив, и в силу указанных характеристик контроль над цифровым активом может быть изменен в соответствии с алгоритмами такой информационной системы. Пункт 3(б) того же принципа связан с добровольными действиями лица, осуществляющего контроль над цифровым активом, например, в случае, если лицо, осуществляющее контроль, желает передать часть полномочий другим лицам в целях удобства, безопасности или в каких-либо иных целях. Например, такая ситуация может возникнуть в случае заключения соглашений, т.е. когда лицо, контролирующее цифровой актив, передает часть полномочий другому лицу. Другим примером являются ситуации с многосторонними вычислениями (multi-party computation), при которых закрытый ключ, позволяющий получать доступ к цифровому активу, разделяется на несколько фрагментов, каждый из которых необходим для выполнения транзакции»²³.

Кроме того, очень важным является п. 1 **третьего принципа**, в соответствии с которым цифровой актив может быть объектом имущественных прав. Разработчики Принципов подчеркивают, что термину «имущественные права» придается максимально широкое значение²⁴.

Понятие «имущественные права» отражает функциональный подход, согласно которому необходимо обеспечить, чтобы Принципы были применимы в большинстве юрисдикций. Имущественные права, по смыслу Принципов, подразумевают, что «права или интересы, которые физические лица могут иметь в цифровых активах, при определенных обстоятельствах могут быть противопоставлены третьим лицам²⁵, т.е. также лицам, которые необязательно являются

²² Int'l Institute for the Unification of Private Law, UNIDROIT Principles on Digital Assets and Private Law 53 (2023). <https://www.unidroit.org/wp-content/uploads/2024/01/Principles-on-Digital-Assets-and-Private-Law-linked-1.pdf>

²³ Int'l Institute for the Unification of Private Law, UNIDROIT Principles on Digital Assets and Private Law 56 (2023). <https://www.unidroit.org/wp-content/uploads/2024/01/Principles-on-Digital-Assets-and-Private-Law-linked-1.pdf>

²⁴ Int'l Institute for the Unification of Private Law, UNIDROIT Principles on Digital Assets and Private Law 23–25 (2023). <https://www.unidroit.org/wp-content/uploads/2024/01/Principles-on-Digital-Assets-and-Private-Law-linked-1.pdf>

²⁵ Digital Assets and Private Law Working Group. (2022, March 7–9). Master Copy of the Principle and Comments (Fifth session's WG materials). Int'l Institute for the Unification of Private Law. <https://www.unidroit.org/wp-content/uploads/2022/03/W.G.5-Doc-3-Master-Copy-Principles-plus-Comments-with-Questions.pdf>

сторонами²⁶ договора»²⁷. Это также указывает на аналогичность предусмотренной Принципами правовой конструкции прав на цифровые активы праву собственности на материальные объекты, которое является абсолютным, т.е. может быть противопоставлено любым третьим лицам, а не только тем, с которыми имеются договорные отношения.

Как указано в комментариях к документу, предусмотренное **третьим принципом** положение о том, что в отношении цифровых активов могут осуществляться имущественные права, не содержит конкретную правовую концепцию или квалификацию цифровых активов. В различных юрисдикциях цифровые активы могут быть квалифицированы как собственность, товар или вещь или с применением любой другой концепции, но подобная квалификация всегда будет зависеть от конкретного применимого права и государства, применяющего или имплементирующего Принципы. При этом при имплементации необходимо установить, что цифровой актив может быть объектом имущественных прав²⁸.

Таким образом, Принципы УНИДРУА можно рассматривать как комплексный документ, носящий рекомендательный характер, который содержит максимально широкое определение цифрового актива, одним из конституирующих признаков которого является возможность установления контроля в отношении цифрового актива, что является функциональным эквивалентом владения по отношению к материальному имуществу. Кроме того, Принципами устанавливается специфический правовой режим цифрового актива, предполагающий, что в отношении цифрового актива могут осуществляться имущественные права, понимаемые в самом широком смысле, причем правоотношения по осуществлению имущественных прав в отношении цифрового актива являются абсолютными, т.е. такие имущественные права могут быть противопоставлены любым третьим лицам, а не только тем, с которыми имеются договорные отношения по поводу цифрового актива, по аналогии с правом владения вещью как одной из составляющих права собственности.

Понятие «цифровой актив» в Принципах использования цифровых активов в качестве обеспечения

Понятие цифрового актива является одним из основополагающих и в разработанном Европейским правовым институтом документе «Принципы использования цифровых активов в качестве обеспечения»²⁹, причем трактовка этого понятия несколько отличается от подходов, использованных в Принципах УНИДРУА.

Указанные Принципы являются частью большого проекта, реализуемого Европейским правовым институтом, под названием «Доступ к цифровым активам», который направлен на подготовку разъяснений для тех, кто имеет определенные права на цифровые активы, и всех, кому всё чаще приходится сталкиваться с цифровыми активами в повседневной юридической практике, в частности судей, адвокатов, нотариусов, регистраторов и судебных исполнителей. Цель

²⁶ Digital Assets and Private Law Working Group. (2022, December 19–21). Master Copy of the Principle and Comments (Seventh session's WG materials). Int'l Institute for the Unification of Private Law. <https://www.unidroit.org/wp-content/uploads/2022/12/W.G.7-Doc.-3-Issues-Paper.pdf>

²⁷ Int'l Institute for the Unification of Private Law, UNIDROIT Principles on Digital Assets and Private Law 25 (2023). <https://www.unidroit.org/wp-content/uploads/2024/01/Principles-on-Digital-Assets-and-Private-Law-linked-1.pdf>

²⁸ Int'l Institute for the Unification of Private Law, UNIDROIT Principles on Digital Assets and Private Law 24 (2023). <https://www.unidroit.org/wp-content/uploads/2024/01/Principles-on-Digital-Assets-and-Private-Law-linked-1.pdf>

²⁹ ELI Principles on the Use of Digital Assets as Security. https://www.europeanlawinstitute.eu/fileadmin/user_upload/p_eli/Publications/ELI_Principles_on_the_Use_of_Digital_Assets_as_Security.pdf

проекта — помочь обеспечить согласованность и способствовать гармонизации существующих законов и правовых концепций, касающихся доступа к цифровым активам³⁰.

В Принципах приводится определение цифрового актива, которое Европейским правовым институтом будет использоваться для всего проекта в целом. Применительно к цифровым активам сформулированы следующие основные дефиниции:

- «“контроль” в отношении цифрового актива означает право или фактическую способность субъекта иметь дело с такими активами и (или) аннулировать их в зависимости от обстоятельств;
- “цифровой актив” означает любую запись или иной объект, который отвечает следующим критериям:
 - (i) она хранится, отображается и управляется исключительно в электронном виде, на виртуальной платформе или через виртуальную платформу или базу данных, включая случаи, когда она представляет собой запись или образ реального, торгуемого актива, а также когда цифровой актив размещается на соответствующей платформе непосредственно или через счет посредника;
 - (ii) на нее может распространяться право контроля, владения или пользования, независимо от того, квалифицируются ли такие права по закону как имущественные, обязательственные или носящие иной характер, и
 - (iii) она может быть передана от одной стороны к другой, в том числе путем добровольного отчуждения.

Для целей данного определения не имеют значения конструктивные и эксплуатационные характеристики соответствующей платформы или базы данных, то, каким образом осуществляется защита цифрового актива от неправомерного копирования, или представляет ли соответствующий цифровой актив денежное требование (и, соответственно, обязательство) идентифицируемой стороны в качестве его эмитента, хранителя или контролера, или выполняет ли рассматриваемый актив функции денег или валюты».

Как видим, и в этом определении понятие «контроль» является конституирующим признаком цифрового актива.

Необходимо отметить некоторое отличие концепции контроля, которая используется в Принципах Европейского правового института, от категории контроля, отраженной в Принципах УНИДРУА. В Принципах Европейского правового института используется гибридная концепция контроля над цифровым активом, которая охватывает как юридическое «владение» конкретным лицом (примером является осуществление этим лицом законного права контролировать этот цифровой актив в случаях, когда последний признается объектом права собственности в конкретной юрисдикции или пользуется иным, аналогично защищенным правовым режимом), так и простой, фактический контроль лица над цифровым активом (например, любая форма контроля, за исключением владения в легальном смысле, когда цифровой актив в конкретной юрисдикции не является объектом права собственности на основании соответствующих правовых норм)³¹. Легальный (юридический) или фактический контроль будет (в определенных случаях — может быть) достаточным для того, чтобы имущественный интерес

³⁰ Подробную информацию о проекте см. на сайте института: <https://www.europeanlawinstitute.eu/projects-publications/current-projects/current-projects/eli-enforcement-against-digital-assets/>

³¹ Digital Assets and Private Law Working Group. (2022, March 7–9). Master Copy of the Principle and Comments (Fifth session's WG materials). Int'l Institute for the Unification of Private Law. <https://www.unidroit.org/wp-content/uploads/2022/03/W.G.5-Doc.-3-Master-Copy-Principles-plus-Comments-with-Questions.pdf>

в отношении цифрового актива был сформирован, но определяющей формой контроля, которая имеет отношение к созданию имущественного интереса в указанном активе, является фактический контроль³². Кроме того, что фактический контроль является надлежащей формой контроля для формирования имущественного интереса применительно к цифровым активам, он также необходим для тех цифровых активов, в которых имущественные права в строгом смысле могут не существовать с учетом их особенностей, которые, согласно внутригосударственному праву, исключают их отнесение к объектам права собственности.

Гибридная концепция контроля, которая используется в Принципах Европейского правового института, не предполагает, что для формирования цифрового актива необходимо наличие как юридического, так и фактического контроля. Любого из видов контроля достаточно для формирования имущественного интереса в цифровом активе. При этом только фактический контроль необходим для формирования имущественного интереса в цифровом активе.

Согласно позиции авторов комментариев к Принципам Европейского правового института, определение, предложенное в Принципах, сфера действия которых охватывает как криптоактивы, так и цифровые активы, не прошедшие криптографическую аутентификацию, и которые применяются к ним одинаковым образом, опирается на следующие три основных атрибута цифровых активов: во-первых, нематериальный характер, который проявляется в их хранении, отображении и (или) администрировании только в электронном виде, даже если конкретный актив отражает или привязан к материальному, реальному активу; во-вторых, право контроля, владения или пользования, в широком смысле определяемое как право на доступ и пользование нетрадиционной формой стоимости, которую воплощает цифровой актив, — это право в сочетании с их цифровым форматом делает их передачу и последующее использование коммерчески привлекательными; в-третьих, возможность передачи. Указанный третий атрибут можно также определить как оборотоспособность цифрового актива.

Таким образом, Принципы Европейского правового института можно рассматривать как документ, носящий рекомендательный характер, в котором представлено понятие цифрового актива. Его основным признаком является возможность юридического и фактического контроля над указанным активом, который обладает таким свойством, как передаваемость (transferability), или оборачиваемость.

Заключение

Понятия «цифровой объект» и «цифровой актив» приобретают всё большую актуальность в связи с цифровизацией. К определению объема и содержания указанных категорий, а также их соотношения имеются различные подходы как в доктринальных, так и в нормативных источниках. В некоторых случаях предпринимаются попытки сформулировать максимально широкие определения данных понятий; в некоторых случаях цифровые активы трактуются в узком смысле и включают в себя лишь определенное число цифровых объектов. Иногда высказывается мнение, что к цифровым объектам и активам может быть применен режим права собственности или вещных прав. Некоторые ученые рассматривают указанные объекты как объекты особого рода, требующие отдельного правового регулирования.

³² Digital Assets and Private Law Working Group. (2022, March 7–9). Master Copy of the Principle and Comments (Fifth session's WG materials). Int'l Institute for the Unification of Private Law. <https://www.unidroit.org/wp-content/uploads/2022/03/W.G.5-Doc-3-Master-Copy-Principles-plus-Comments-with-Questions.pdf>

По итогам проведенного исследования понятие цифрового объекта можно сформулировать следующим образом: цифровой объект — нематериальный объект, обладающий характеристиками, отличающими его от других объектов, представленный в цифровой форме и принадлежащий его обладателю на законном основании. Цифровой объект можно рассматривать как общее, родовое понятие, включающее в себя в том числе цифровые активы и другие объекты, например, аккаунты в социальных сетях, аккаунты электронной почты.

Анализируя термин «цифровой актив», можно сделать вывод, что он может пониматься в широком и в узком смысле, как было показано в настоящем исследовании. При этом для формирования правовой определенности в указанной сфере и выяснения правовой природы и правового режима цифрового актива необходимо разработать определение, которое охватывало бы все существующие на настоящий момент цифровые активы, а также могло бы быть использовано для правового регулирования при возникновении новых видов цифровых активов, которые сегодня еще неизвестны. Значимые попытки сформулировать понятие цифрового актива были предприняты в рамках УНИДРУА и Европейского правового института, причем существенным, конституирующим признаком цифрового актива стало понятие контроля в отношении цифрового актива.

Четкое и понятное разграничение понятий «цифровой объект» и «цифровой актив» будет способствовать формированию надлежащего правового регулирования в указанной сфере и обеспечению защиты прав субъектов, вовлеченных в соответствующие правоотношения. Разграничение указанных двух понятий необходимо потому, что суть и правовая природа цифровых активов, их оборот требуют особого правового регулирования с учетом специфики цифровых активов, а также потому, что цифровые объекты можно включать в перечень объектов гражданских прав в тех правопорядках, где теория объектности имеет значение.

Список литературы / References

1. Armstrong, D., & Samuels, M. (2022). *Bloomsbury professional law insight—Cryptocurrency in matrimonial finance*. Bloomsbury Publishing Plc.
2. Ayusheeva, I. Z. (2021). Tsifrovyye ob"yekty grazhdanskikh prav [Digital objects of civil rights]. *Lex russica*, 74(7), 32–43. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2021.176.7.032-043>
3. Brennen, S. J., & Kreiss, D. (2016). Digitalization. In K. B. Jensen, R. T. Craig, J. D. Pooley, & E. W. Rothenbuhler (Eds.) *The international encyclopedia of communication theory and philosophy* (pp. 1–11). John Wiley & Sons. <https://doi.org/10.1002/9781118766804.wbiect111>
4. Fairfield, J. (2023). Property as the law of virtual things ["Veshchnoye" pravo virtual'nykh "veshchey"] (A.M. Doiev, trans.). *Digital Law Journal*, 4(3), 16–39. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2023-4-3-16-39>
5. Farooqui, M. O., Sharma, B., & Gupta, D. (2022). Inheritance of digital assets: Analyzing the concept of digital inheritance on social media platforms. *Novum Jus*, 16(3), 413–435. <https://doi.org/10.14718/NovumJus.2022.16.3.15>
6. Faulkner, P., & Runde, J. (2019). Theorizing the digital object. *Management Information Systems Quarterly*, 43(4), 1279–1302. <https://misq.umn.edu/theorizing-the-digital-object.html>
7. Hagberg, J., Sundstrom, M., & Egels-Zandén, N. (2016). The digitalization of retailing: An exploratory framework. *International Journal of Retail and Distribution Management*, 44(7), 694–712.
8. Hui, Y. (2012). What is a digital object? *Metaphilosophy*, 43(4), 380–395. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9973.2012.01761.x>

9. Ivanov, A. A. (2023). Tsifrovizatsiya i veshchnyye prava. Fragment iz tsikla lektsiy “Grazhdanskoye pravo i tsifrovizatsiya”. [Digitalization and ius ad rem. An excerpt from the lecture series “Civil Law and Digitalization”]. *Zakon*, (7), 43–52.
10. Kallinikos, J., Aaltonen, A. V., & Marton, A. (2010). A theory of digital objects. *First Monday*, 15(6). <https://doi.org/10.5210/fm.v15i6.3033>
11. Klasiček, D. (2023). Inheritance law in the twenty-first century: New circumstances and challenges. In O. J. Gstrein, M. Fröhlich, C. van den Berg, & T. Giegerich (Eds.), *Modernising European Legal Education (MELE)* (pp. 235–251). Springer Nature Switzerland. https://doi.org/10.1007/978-3-031-40801-4_15
12. Koles, B., & Nagy, P. (2021). Digital object attachment. *Current Opinion in Psychology*, 39, 60–65. <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2020.07.017>
13. Kraus, S., Durst, S., Ferreira, J. J., Veiga, P., Kailer, N., & Weinmann, A. (2022). Digital transformation in business and management research: An overview of the current status quo. *International Journal of Information Management*, 63, Article 102466. <https://doi.org/10.1016/j.ijinfomgt.2021.102466>
14. Lyons, P. A. (1998). Managing access to digital information: Some basic terminology issues. *Bulletin of the American Society for Information Science and Technology*, 24(2), 21–24. <https://doi.org/10.1002/bult.81>
15. Melnikova, T. V., Nikitashina, N. A., & Schalyaeva, J. V. (2023). Tsifrovyye finansovyye aktivy kak ob"yekty grazhdanskikh prav [Digital financial assets as objects of civil rights]. *Jurist [The Lawyer]*, (11), 37–42.
16. Sklovskiy, K. I. (2023). *Sobstvennost' v grazhdanskom prave [Property in civil law]* (6th ed.). Statut.
17. Srai, J. S., & Lorentz, H. (2019). Developing design principles for the digitalisation of purchasing and supply management. *Journal of Purchasing and Supply Management*, 25(1), 78–98. <https://doi.org/10.1016/j.pur-sup.2018.07.001>
18. Sukhanov, E. A. (2021). O grazhdansko-pravovoi prirode “tsifrovogo imushchestva” [On the civil legal nature of “digital property”]. *Vestnik grazhdanskogo prava [Civil Law Review]*, 21(6), 7–29.
19. Velichko, V. E., & Evstigneve, E. A. (2019). Tsifrovyye prava v Rossii: dvizheniye vpered ili beg po krugu? [Digital rights in Russia: Moving forward or running in circles?]. *Zhurnal Zhurnal rossiyskoy shkoly chastnogo prava [Journal of the Russian Private Law School]*, (2), 48–59.
20. Volos, A. (2022). Digitalization of society and objects of hereditary succession. *Law Journal of the Higher School of Economics*, 15(3), 51–71. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2022.3.51.71>

Сведения об авторе:

Шипикова А. Г. — соискатель, кафедра интеграционного права и прав человека, МГИМО МИД России, судья Московского городского суда, Москва, Россия.

shipikova@mail.ru

Information about the author:

Anna G. Shipikova — Ph.D. Scholar, Department of Integration Law and Human Rights, MGIMO-University, Judge of the Moscow City Court, Moscow, Russia.

shipikova@mail.ru